

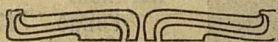
На берегу рѣки русской исторіи Коммиссаржевская была первой ласточкой новаго искусства, которое не знаетъ границъ языка, территоріи, государства, быта и расширяетъ вѣѣ лингвистики, вѣѣ условностей, вѣѣ всякихъ вѣѣшнихъ рамокъ. Она черпала матеріалъ для воплощенія своихъ поэтическихъ созданій отовсюду, гдѣ только находила: у Чехова и Ибсена, у Зудермана и Потапенко. Потому что человеку нужно не столько-то и столько земли, а весь земной шаръ. Оставаясь вѣѣрной дочерью эпохи, выражая голосъ времени — она работала на дѣѣло вѣѣвременнаго искусства, умерла за высшую цѣѣнность человѣѣческаго духа, свободной отъ рамокъ, не стѣѣсненную вѣѣшними условіями.

Коммиссаржевской уже нѣѣтъ. Но есть и будетъ жить всегда прекрасная легенда о Коммиссаржевской. Вмѣѣстѣ съ этой удивительной актрисой умерла полоса исторіи. Смерть Коммиссаржевской это—смерть нашей молодости.

10-го февраля 1910 г. мы потеряли ее, отдавъ могилѣ. Но мы вторично должны отдать ее—исторіи. Въ этомъ одномъ наше великое сокровище смиренныхъ, наше молчаливое и глубокое утѣѣшеніе.

(„Всегобщ. журн.“).

Осипъ Дымовъ.

Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Прошелъ годъ, а острота утраты нисколько не сгладилась. Напротивъ. Она ощущается еще рѣѣзче, потому что, вѣѣдь, на смѣѣну Коммиссаржевской не пришелъ никто... Пустота, образовавшаяся въ сердцѣ, зияетъ попрежнему. Пока Коммиссаржевская была жива, пока она среди насъ свершала свое великое служеніе искусству, намъ вѣѣсѣмъ было интереснѣѣе жить. Любовались ея талантомъ, слагали въ честь ея дионирамбы, готовы были молиться на нее, а когда она, отрѣѣшившись отъ себя, безудержно бросилась въ бурный водоворотъ поисковъ новаго слова въ сценическомъ искусствѣ, прощали ей всѣ ошибки, потому что ей... нельзя было не простить, она всегда, вездѣ неизмѣѣнно оставалась для насъ чудесной мечтой, неоземой грезой, съ которой, развѣѣ полюбивъ, невозможно было разстаться. Въ ней чувствовалось нѣѣчто большее, чѣѣмъ искусство актера. Мало ли прекрасныхъ актрисъ? Слава Богу, не оскудѣѣѣли талантами русскій театръ! Но вотъ индивидуальности подобной Коммиссаржевской не было, неизвѣѣстно, будетъ ли когда-нибудь снова. Во всякомъ случаѣ не на нашемъ вѣѣку.

Что же такое было въ Коммиссаржевской, сообщавшее ей нѣѣкую идеалистическую окраску?

Душа русской женщины, бездонная какъ мо-

ре и какъ оно загадочная, таинственная, манящая...

Эта душа неотразимо притягивала къ себѣ всѣѣхъ и обвѣѣвала мягкой нѣѣжною лаской. Она смотрѣѣла на насъ черезъ глаза, такіе огромные, такіе прекрасные, такіе печальные и мы чувствовали, какъ подъ эѣѣтимъ взглядомъ начинало шевелиться что-то доброе и чистое, запрятанное гдѣ-то глубоко внутри насъ, даже не сознаваемое нами.

Эта душа, бездонная какъ море, отражалась во всѣѣхъ образахъ, которые артистка создавала на сценѣ, расширяя неизмѣѣнно рамки, поставленные драматургомъ. Такъ это бываетъ всегда, когда къ произведеніямъ автора подходитъ исключительная индивидуальность, одаренная слишкомъ большимъ внутреннимъ содержаніемъ.

И теперь нѣѣтъ съ нами больше такой души, никто не обвѣѣетъ насъ лаской и мы бродимъ осиротѣѣлые, унылые, грустные...

Былъ театръ Коммиссаржевской...

Нѣѣтъ и его. Объ этомъ точно нарочно напоминаетъ афиша, всякій разъ, какъ приходишь на Офицерскую: „бывшій Коммиссаржевской“... Да, да! Именно „бывшій“... О немъ, вѣѣдь, напоминаетъ лишь внутренняя отдѣѣлка, да занавѣѣсъ работы Блеста. Больше ничего! Духа прежняго — какъ не бывало. Положимъ, тамъ было много страннаго, раздражающаго. Стояли на ложномъ пути, что потомъ сами же и сознали. Пусть такъ. Но по крайней мѣѣрѣ было изъ-за чего волноваться, о чѣѣмъ поспорить, и перо скорѣѣй летало по бумагѣ. А теперь? Ничего нѣѣтъ волнующаго въ петербургской театальной жизни, и даже тотъ, кто былъ виновникомъ кутерьмы, В. Э. Мейерхольдъ, просто превратился въ тихую овцу. Взявъ мы получили три оперетки, которыя всѣѣ выдерживаютъ конкуренцію, вотъ что знаменательно. И самъ театръ „бывшій Коммиссаржевской“ уже сдается отъ имени... г. Брянскаго, какъ о томъ вѣѣбываетъ объявлять приглашая обращаться за условіемъ вѣѣ... «Буффъ». И кто знаетъ, что воцарится въ будущемъ сезонѣ на томъ мѣѣстѣ, которое освящено творческой дѣѣятельностью великой артистки, именно тамъ принесшей въ жертву самое себя, потому что еѣѣ это въ тотъ моментъ казалось нужнымъ для торжества какой-то внутренней правды, потому что торжество опредѣѣленной идеи представлялось ей важнѣѣе даже собственныхъ триумфовъ. Во имя этой идѣѣи артистка отказалась отъ лавровъ. Развѣѣ тутъ не было подвига? О, конечно, да и эта красота подвига, о а-то именно и освящаетъ театръ на Офицерской гораздо больше, чѣѣмъ маленькій уютный залъ „Пассажа“, гдѣ проходили первые сезоны широкой дѣѣятельности Коммиссаржевской. Тамъ былъ просто очень хорошій театръ. Но подвига не было. Жертвѣѣ никакихъ не приносилось. Бороться приходилось только съ цензурой. На Офицерской же шла борьба съ самими собой.